

ПОСТРОЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПСИХОЛОГА И ЧЕЛОВЕКА С ВИДИМЫМИ ОТЛИЧИЯМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чебарыкова Светлана Васильевна

К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
svfspp@mail.ru

Куклина Ирина Валерьевна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
университет»

THE ESTABLISHMENT OF A PROFESSIONAL RELATIONSHIP BETWEEN THE PSYCHOLOGIST AND THE PERSON WITH VISIBLE DISTINCTIONS: THEORETICAL ASPECT OF THE RESEARCH PROBLEM

**S. Chebarykova
I. Kuklina**

Summary: The article deals with the problem of the establishment of a professional relationship between the psychologist (psychotherapist) and the person with visible distinctions. The presence of a distinctive feature in one's appearance can in itself complicate the social interaction of its bearer with others, become a cause of pronounced difficulties and lead a person to the need for professional assistance of a psychologist. However, in the process of establishment and development of professional relationships with the psychologist, this peculiarity is bound to have some influence.

Keywords: professional relationships, practicing psychologist, client, visually distinctive features.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы построения профессиональных отношений между практическим психологом (психотерапевтом) и его клиентом, имеющим во внешности видимые отличия. Наличие отличительной особенности во внешности может само по себе осложнять социальное взаимодействие ее носителя с окружающими, стать причиной выраженных трудностей и привести человека к необходимости профессиональной помощи психолога. Однако и в процессе установления и развития профессиональных отношений с психологом эта особенность не может не оказывать влияние.

Ключевые слова: профессиональные взаимоотношения, практический психолог, клиент, видимые отличия внешности.

Введение

«Некрасивые самолеты не летают!» – авиаконструктор А.Н. Туполева давно заметил, что у «некрасивых» самолетов судьба оказывается неудачной: даже при хорошем старте и благополучных опытных полетах они не получают путевку в жизнь. Как будто в человеке интуитивно под видом эстетического вкуса заложено пред-знание того, что соответствует физическим законам мироустройства в оптимальном соотношении, а что им соответствует плохо [5]. С людьми порой происходит то же самое. «Ты должен быть красивым, чтобы заслужить любовь» – фатальная форма притеснения, которая заставляет сотни тысяч людей страдать из-за внешности и истязать себя в попытках стать любимыми и удобными. Особенно остро эта проблема стоит в случаях, когда внешняя непривлекательность является следствием недостатка здоровья и довольно часто становится причиной социальной изолированности. И с последствиями этой инсинуации и приходится иметь дело практическому психологу.

Профессиональные отношения с клиентом – важная часть деятельности практического психолога. Зона ответственности специалиста – построение особой атмосферы принятия, создание чувства связанности между психологом и клиентом. Однако консультирование и терапия с участием клиента с видимыми отличиями рождает много чувств и переживаний, с которыми практикующему психологу приходится сначала совладать, а потом, входе специально организованной работы их идентифицировать и интегрировать.

Собственный практический опыт, а также опыт участия в интервизиях и супервизиях, дает основания считать, что клиента с видимыми отличиями можно отнести к категории уникальных. Опыт длительного консультирования подобных клиентов не представлен ни в литературе, ни в рассматриваемых в профессиональном сообществе кейсах. И связано это, во-первых, с наличием специфических особенностей в эмоциональной и когнитивной сфере людей с врожденными и рано приобретенными нарушениями психофизического развития и неготовностью психологов общей практики брать таких

клиентов; во-вторых, наличием культурального барьера и связанного с этим недоверия со стороны потенциальных клиентов из числа лиц с проблемной внешностью. Третьей причиной недостаточного освещения подобного опыта может выступать социальная незащищенность названной категории лиц, низкий уровень материально-благополучия и, как следствие, – ограничения в возможности обратиться за помощью.

Цель инициированного нами исследования: теоретически обосновать и практически подтвердить наличие специфических культуральных барьеров в психологическом консультировании (психотерапии) людей с видимыми отличиями; доказать возможность использования транскультурального подхода в психологическом консультировании (психотерапии) такого клиента.

Исходными данными к работе стали:

- исследования, раскрывающие особенности формирования и развития идентичности людей с видимыми отличиями;
- положения принципа транскультуральности как базового подхода в организации профессионального общения в позитивной психотерапии;
- работы, посвященные характеристикам взаимоотношений людей через призму психологической дистанции: отношения к «Другому» как к «Своему», «Иному» и «Чужому»;
- концепции различных психотерапевтических методов и подходов, касающиеся особенностей построения профессиональных отношений между психологом и клиентом.

«Видимое отличие»: семантическое пространство ключевого понятия

Важной задачей нашего исследования является определение ключевого понятия, обозначающего целевую группу участников. Таковыми являются люди, имеющие заметные отличия внешности, природа которых определяется воздействием неблагоприятных внешних факторов и напрямую связана с состоянием здоровья. При этом имеются ввиду люди, перенесшие на ранних этапах своего психофизического развития какое-либо патологическое воздействие, оставившее заметный и практически неизгладимый след на их внешности, что, в свою очередь, повлияло на процесс идентификации и осложнило процесс социально-психологической адаптации и социализации. В центре нашего исследования располагается человек, имеющий заметные для окружающих отличия внешности, воспринимаемые повсеместно как отталкивающие. Таковыми мы считаем:

- бросающиеся в глаза дисплазии (асимметрии и диспропорции) лица и тела;
- деформации или отсутствие конечностей;
- нарушения со стороны двигательной сферы (за-

труднения в организации движений, невозможность контролировать позу, наличие сопутствующих и сопряженных произвольных движений, обездвиженность и пр.);

- проблемы со стороны органов зрения (слабовидение, слепота, наличие глазных протезов, сильным косоглазием и др.);
- проблемы со стороны органов слуха (глухота, слабослышание и др.);
- речевые проблемы (заметное нарушение темпа и плавности речи, проблемы с голосом и др.);
- ярко выраженные изменения кожных покровов (капиллярные гемангиомы, псориаз, следы от ожогов, шрамы и пр.);
- специфический (неприятный) запах, не связанный с погрешностями гигиены.

К настоящему времени в социальной практике нет общепринятого корректного термина для обозначения данной категории людей. На бытовом уровне их коротко и ясно можно было бы назвать некрасивыми, однако для научного исследования нам все же придется найти или сформулировать собственный удобный – емкий и приемлемый – термин.

Проведенный анализ первоисточников, раскрывающих особенности взаимодействия с интересующей нас категорией людей, мало помог нам. В ряде публикаций, характеризующих эту особую группу людей, авторы подчеркивают факт ослабления здоровья и по существующей традиции называют их «лицами с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья)». Термин, по мнению специалистов помогающих профессий, явно неудачный, так как людей с неограниченными возможностями здоровья в природе просто не существует. Но, закрепленный законодательно, он используется повсеместно, заменяя признанное некорректным понятие «инвалид». Мы не можем взять в качестве основного ни термин «люди с ОВЗ», ни тем более «инвалид», так как для нас основополагающим является не столько их функциональное состояние (целесообразная результативность их деятельности), сколько факт наличия заметного внешнего отличия, которое может и не ограничивать их жизнедеятельность на социально-бытовом уровне. По той же причине по отношению к данной категории людей не применимы определения «больные / болеющие» и понятие «нездоровье», которые также встречаются в публикациях по интересующей нас проблематике. Множество людей, определяемых как больные-болеющие-выздоровливающие переживают временный период своей жизни (зачастую длительный и тяжелый), но динамика их жизни имеет отличие от жизни людей, взятых нами в качестве целевой группы. Текущий характер болезни включает целый спектр проявлений в виде боли, снижения активности, ограничений, необходимости проведения лечебных процедур и пр., что отсутствует в сценарии жизни

наших участников. Вместе с тем, по истечении времени болезни, она может и не иметь заметных для окружающих последствий, не осложняя процессы социально-психологической адаптации и интеграции.

Наиболее удобным по причине своей лаконичности мог бы считаться термин, которыми пользуются специалисты в области специальной психологии: «дефект». По сути, это заимствование из клинической практики («физический дефект», «аномалия строения и функционирования»). Однако в этой научной области со времен Л.С. Выготского в качестве терминов для служебного пользования в ходу такие как: дефект, структура дефекта, носитель дефекта, внутренняя картина дефекта и пр. Однако используются они исключительно в публикациях научно-методического характера и не выходят в пространство социального взаимодействия.

В ходе проведения анализа литературы нам встретилась работа Н. Шакенберг «Мнимые тела, подлинные сущности: Преодоление конфликтов идентичности с внешностью и возвращение к подлинному Я» (пер. с английского). В ней автор использует довольно удобный термин «видимые отличия». Описывая свой опыт работы с клиентами, испытывающими тяжелые и травматические переживания из-за проблем с восприятием собственного тела как уродливого, она использует этот удобный оборот речи. Но проблема в том, что наряду с представителями интересующей нас целевой группы, в множество людей, характеризующихся видимыми отличиями, автор включает и людей, имеющих отличающуюся внешность как результат собственных усилий. Это люди с искусственно измененной внешностью: большим количеством филеров, с телами, покрытыми татуировками и носящими следы самоувечий. Кроме того, Н. Шакенберг в группу людей, проблемы которых ими самими объясняются конфликтами идентичности с внешностью, включает людей с внешними признаками гендерного конфликта и проблемами самопринятия из-за расовой принадлежности [15]. Взяв за основу термин, предложенный Н. Шакенберг («видимые отличия»), мы попытались его конкретизировать через ограничение мыслимой за ним выборки. Формулировка понятия с точки зрения его содержания – «видимые отличия, имеющие отношение к нездоровью» – получилась довольно громоздкой и не отличается благозвучием, хотя в данной редакции отвечает требованию корректности, так как не содержит дискриминирующего контекста. Вероятно, нам все же придется использовать более лаконичную формулировку, объяснив при изложении материалов исследования что под ней подразумевается. Работа по поиску формулировки для обозначения участников исследования еще не окончена. К настоящему моменту нами определены и представлены на суд профессионального сообщества несколько вариантов: «клиент с видимыми отличиями», «визуально отличный клиент».

«Свой», «Иной» и «Чужой»: три лика клиента

Какая-либо группа выступает не как простая совокупность своих членов, но как целостность, единство, если имеет явные социальные границы и отстаивает их во взаимоотношениях и противодействии с другими группами [8; 9; 10]. Существование социальных границ обозначает один из важнейших социальных институтов, направленных как на стабилизацию, так и на развитие нашего общества. В числе маркеров социальных границ, имеющих неприродную (т.е. культурную) основу, относят, помимо языка, религии и идеологии еще и так называемый антропологический тип, используемый для обозначения обобщенного описания тех или иных групп человеческих популяций, сходных по наличию каких-либо признаков, вне связи с классификационными категориями. Таким признаком может выступать как, собственно, нетипичность (внешнее проявление отклонения в психофизическом развитии), так и переживание ее экзистенциального состояния [10; 17].

Каждая культура любого уровня развития на фоне собственных представлений о нормах и ценностях своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы как своих, принадлежащих к данной культуре, так и других, ей не принадлежащих. Конструирование этих образов осуществляется с помощью традиционных механизмов, таких как стереотип и имидж [14]. Заявляя транскультуральный аспект построения взаимоотношений с людьми, имеющими видимые отличия, мы имеем ввиду тот факт, что восприятие не может быть свободным от наличия такой яркой особенности. Там, где появляется противопоставление «мы – они», антагонистическая позиция «вы – не мы», встает и проблема наличия культурального барьера общения.

В случае, когда в общение вступают люди, отличающиеся чем-то очень важным (в частности, внешне заметными проявлениями неблагополучия со стороны здоровья), то возникшие при этом барьеры могут быть заметны по меньшей мере одному из участников. Но чаще всего, их замечают оба, потому что каждый из них относит другого к общности, в которую сам не входит. Даже если общего у них очень много (возраст, пол, образовательный и культурный уровни, интересы и ценности, социальный статус и пр.) факт принадлежности к особой группе неблагополучных в части внешности разводит общающихся по разные стороны этого психологического барьера. Партнер воспринимается непохожим, не-Своим. В рамках статьи невозможно остановиться подробно на анализе всех причин, по которым одних людей мы принимаем как похожих на себя и поэтому понятных нам, а других – как чужаков, вызывающих опасение. Невозможно в кратком сообщении отразить все аспекты этой проблемы: фило-софский, антропологический, лингвистический, культурологический, этологический. Остановимся лишь на пси-

хологическом аспекте, на том, что, отделяя окружающих от себя, их можно определять как «Других», но при этом как «Своих», «Иных» или «Чужих». И различия это определяются той психологической дистанцией, которая складывается и поддерживается в процессе общения.

По мнению ряда исследователей (Т.Н. Кочеткова, Л.С. Перепелкин, В.В. Феррони и др.) Другой воспринимается «Своим», если в его присутствии мы чувствуем психологическое родство: партнер по общению имеет с нами близкие взгляды, позиции, убеждения, разделяет общие ценности, живет в едином социальном и смысловом пространстве; благодаря ему, осуществляется самопознание и личностное развитие. Среди «Своих» всегда существует равенство, отношения расцениваются как безопасные. «Свое» – это родное, которое служит отправной точкой в восприятии и составлении образа всякого другого, инородного. Слово «свой» восходит к тому же корню, что и «свобода» [8, С.60], и если эта этимология верна, то понятие «Свой» указывает на ситуацию, в которой человек чувствует себя наиболее комфортно, а «своя группа» – это группа, в которой сосредотачивается социальный мир и личная свобода [8, С.68].

«Иной» – это непохожий на нас человек, отличающийся непривычной точкой зрения на важные вопросы, позволяющий увидеть мир по-новому. «Иной» – не один из «Своих», он явно отличается, он тот, кто не разделяет мои ценности «здесь и сейчас», но потенциально готов их, если не разделить, то понять мой выбор. Общение с «Иным» построено на обоюдном интересе и предполагает намерение к созданию общности. И это не поверхностное любопытство, а попытка понять глубинные причины непохожести «Иного» на меня и на «Своих». Попытка понять «Иного» представляет собой взаимное пробуждение мысли посредством диалога, предполагающее с одной стороны объединение с «Иным» посредством узнавания, воспроизведения и присвоения какой-то части его системы ценностей и смыслов, а с другой – сохранение самосознания как дистанции. При обоюдной попытке понять непохожего «Иного», он может стать другом, «Своим», но в то же самое время может и обернуться ликом «Чужака» – смотря по обстоятельствам меняющегося контекста взаимодействия. При построении взаимоотношений с «Иным» все не так просто, и прежде, чем понять «Иного» необходимо понимание того – кто есть этот «Иной» и что делает его таковым? В чем вообще цель понимания «Иного»?

Совсем другое дело – «Чужой», «Чуждый». Он далек психологически, поэтому вызывает опасение, страх, желание уклониться от общения. «Чужой» небезопасен в силу своей непохожести, он является источником неопределенности, которая заключается в невозможности спрогнозировать то, как он может себя повести [3, С. 73]. Неприязнь зарождается на основе незнания и нежела-

ния узнать непохожего, действиям которого автоматически приписываются негативные качества. Если «Свой» всегда идеален, то «Чужой» – его зеркальное отражение – всегда наделен отрицательными коннотациями [11, С. 148]. Выступает ли «Чужой» в облике иностранца-гастарбайтера, преступника, террориста или просто другого человека, который по каким-то неясным для нас причинам отказывается от «диалога», – всегда воспринимается как навязывающий себя и свои ценности, стремящийся к насилию. «Чужой» непонятен потому, что мы не хотим и не можем его понимать, ему нет места в нашей привычной реальности ровно как и то, что нам нет места в его реальности [12, С.124-125].

Модели восприятия Другого как «Своего», «Иного» и «Чужого» формируют не только позитивное, негативное или нейтральное отношение человека к окружающему миру – физическому и социальному, а также к событиям в нем происходящим. Эти дискурсивные факторы оказывают влияние на процесс формирования идентичности. Идентификация – это процесс осмысления человеком себя самого, в результате которого происходит осознание принадлежности к какому-либо определенному классу/типу. Данное осознание осуществляется, как правило, на фоне контактов с представителями другого класса/типа. Иными словами, «свое» познается только на фоне «чужого» и «иного» [1, С. 163].

Проведение исследования оппозиции «Свой» – «Иной» – «Чужой» считаем важным этапом своей работы, так как полученные сведения раскрывают суть процессов формирования идентичности у людей с видимыми отличиями с одной стороны и основы разворачивания коммуникации с ними в ходе профессионального общения практического психолога с другой. Мы считаем, что основная задача специалиста при организации профессионального взаимодействия с клиентами, имеющими видимые отличия – это установка и поддержание границ с тем, чтобы максимально эффективно помочь им в осознании своих проблем и поиске путей их разрешения. И если в ходе этой работы психолог сможет стать для клиента «Иным» или «Своим», то профессиональная задача будет решена наилучшим способом.

Построение профессиональных взаимоотношений в позитивной психотерапии

Отношения между практическим психологом (психотерапевтом) и клиентом – сложная система, в которой тот и другой исполняют целую гамму ролей [2; 6; 7; 13]. Анализируя профессиональные отношения, складывающиеся в процессе терапии, нужно учитывать, что они, как и любые другие, подчинены закономерности трехэтапного взаимодействия: зависимость (стадия слияния, создающая у клиента чувство защищенности и развивающая концепции оптимизма и принятия себя), диффе-

ренциация (стадия, характеризующаяся приобретением навыков, знаний и паттернов поведения, заимствованных у объекта привязанности и одновременно с этим появлением стремления отделиться и подчеркнуть свою самостоятельность) и самостоятельность (стадия, на которой клиент способен понимать других людей, брать на себя ответственность). В зависимости от личных особенностей психотерапевта и клиента каждый из них может быть склонен удерживать терапевтические отношения на той или иной стадии [2, С. 183–191].

Для нашего исследования в равной степени важно и описание поведения терапевта, и фокус его деятельности, и описание поведения клиента, имеющего видимые отличия. При этом обе стороны в ходе взаимодействия получают опыт инореальности (нахождения в реальности, в которую при обычных условиях, у них нет доступа). Для клиента же возможность осмысления себя и собственной жизни через иноопыт (новый опыт отношений, которые в реальной жизни трудно достижимы вследствие неразвитости отдельных способностей или недостаточной их интегрированности) – важный результат терапии.

В теории и практике позитивной психотерапии разработаны и с успехом используются инструментарий для анализа паттернов психодинамики отношений клиента и его субъективных реакций, которые он раз за разом использует для подтверждения своей основной концепции. В профессиональных отношениях эти базовые концепции социализации имеют возможность развиться и углубиться. Ценность осуществляемой работы в том, что полученный опыт может быть перенесен на область отношений с партнерами (Ты), с обществом (Мы), с будущим мировоззрением (Пра-Мы) и, что на наш взгляд наиболее ценно, – на область отношений с самим собой (Я) [2, С. 195–207].

Выводы

1. Клиент с видимым отличием может быть рассмо-

трен как принадлежащий к особой группе (особой культуре). Формирование его личности происходило под влиянием патогенных факторов, оставивших неизгладимый след на внешности и тем самым искаживших процесс и результат его идентификации.

2. Наличие видимого отличия ставит его носителя по одну сторону культурального барьера в то время, как люди с внешностью, не выходящей за границы так называемой нормальности (обычности) находятся по другую сторону. Этот барьер ощущается обеими сторонами в виде противопоставления «Я – Другой».
3. Восприятие Другого может складываться по разным моделям: «Свой», то есть похожий на меня, родственник, близкий; «Иной», не похожий на меня во многих проявлениях, но готовый к диалогу и рассматриваемый как потенциальный ресурс для развития; «Чужой», то есть чуждый, непонятный и враждебный.
4. Концепции восприятия Другого как «Своего», «Иного» или «Чужого» у людей с видимыми отличиями являются результатом опыта выстраивания внутригруппового и межгруппового взаимодействия. В том случае, если коммуникации носили деструктивный характер, восприятие окружающих будет отличаться неполнотой, а сами люди будут представляться источником опасности.
5. Изменение патологических паттернов в отношениях с окружающими может быть достигнуто только в процессе получения позитивного опыта – через выстраивание эффективного взаимодействия, примером которого могут выступать профессиональные взаимоотношения с психологом.
6. Позитивная психотерапия является методом, созданным изначально на стыке культур Востока и Запада. Сегодня это активно развивающийся метод, использующий различия культур как ресурс оказания помощи клиентам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко М.А. Роль дискурсивных факторов «Свой», «Чужой» и «Другой» в процессе формирования коллективной идентичности средствами массовой информации // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 139–148.
2. Кириллов И. Позитивная психотерапия: базовый курс. М.: Страна Оз, 2019. 328 с.
3. Кислякова Е.Ю., Соломина В.В. Концептуальная триада «Свой–Чужой–Иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (10). С. 72–76.
4. Кочеткова Т.Н. «Другой», «Иной», «Чужой»: взаимосвязь и взаимообусловленность // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 104–110.
5. Красота как критерий летальности // Живой журнал. Режим доступа: <https://neuport.livejournal.com/147109.html> (Дата обращения: 5 марта 2022)
6. Пезешкиан Н. В поисках смысла: Психотерапия маленькими шагами. Киев: Изд-во Ростислава Бурлаки. 2019. 304 с.
7. Пезешкиан Х. Транскультуральная психотерапия в России // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 3–4. С. 47–69.
8. Перепелкин Л.С. «Свой–Чужой–Другой–Враг»: к антропологии межгрупповых взаимодействий // Личность. Культура. Общество. 2015. Том XVII. Вып. 1–2 (№ 85–86). С. 63–75.

9. Романова А.П. Концепт чужого в системе толерантных отношений // Каспийский регион: политическая регионалистика. 2009. № 3(20). С. 55-59.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 260 с.
11. Садохин А.П. «Свой–Чужой» в межкультурной коммуникации: подходы к изучению проблемы // Вопросы культурологии. 2007. № 3. С. 15–19.
12. Феррони В.В. Три лика другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 112–130.
13. Чебарыкова С.В. Личность в условиях дизонтогенеза: внутренняя картина дефекта. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. – 140 с.
14. Черникова А.Е. Восприятие образов «Свой–Чужой» и «Другой» в отечественной иммагологии // Запад и Восток: история и перспективы развития: сб. статей 30-ой Юбилейной Международной научно-практической конференции / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань, 2019. С. 605–608.
15. Шнаккенберг Н. Мнимые тела, подлинные сущности: Преодоление конфликтов идентичности с внешностью и возвращение к подлинному Я. Калининград: Rhosa Books, 2018. 376 с.
16. Ямбург Е.А. Зачем больные нужны здоровым. Чувствительная тема // Народное образование, 2015. № 5. С.38–42.
17. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Изд-во СГТУ, 1997. 272 с.

© Чебарыкова Светлана Васильевна (svfspp@mail.ru), Куклина Ирина Валерьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

